

**ČLENITEV RESNIČNOSTI –
ČLENITEV JEZIKOVNE
RESNIČNOSTI**

НАИВНАЯ КАРТИНА МИРА СЛОВЕНЦЕВ: СОЦИО- И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

V zadnjem času narašča zanimanje za obravnavo jezikovne slike sveta človeka na podlagi analize jezikovnih form. Nas pa zanima slika sveta, kakor obstaja v vsakdanji zavesti govorca. S pomočjo metode razlaganja pomena besed in primerjave slovarskih (SSKJ) in zdravorazumskih definicij lahko odkrijemo njene značilnosti, ker lahko izvemo, kateri pomen je aktualen in na kakšen način obstaja pomen besed v zavesti nosilca slovenskega jezika kot predstavnika določene socialne skupine.

Raziskave so pokazale, da na značilnosti podobe sveta vpliva dejavnik pripadnosti določeni socialni skupini (starost, spol, izobrazba). Primerjava definicij, ki so jih dali slovenski in ruski informanti, dokazuje tudi vpliv narodno-kulturne pripadnosti.

slika sveta, vsakdanja zavest človeka, slovarske in zdravorazumske definicije, vpliv sociolingvističnih dejavnikov na sliko sveta, slika sveta Slovencev in Rusov

In recent years, the interest in studying linguistic worldview on the basis of the analysis of language forms is growing. We are interested in the picture which is in the everyday mind of the speaker. Using the method of interpretation of word meanings and comparison of dictionary definitions with commonsense ones, we can establish what meaning is current and how the word meaning is present in the mind of the native speaker as the representative of a certain social group. Research has shown that it is membership of certain social groups (age, gender, education) which influences the specifics of any worldview. The comparison of definitions given by Slovene and Russian informants also proves the influence of national and cultural membership.

worldview, everyday mind of the speaker, dictionary and commonsense definitions, sociolinguistic factors, Slovene and Russian worldviews

1 К понятию обыденного сознания и наивной картины мира

Построение лингвистики на антропологических началах предполагает создание единой теории языка и человека. Феномен картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире. Картина мира как целостный образ действительности опосредует все акты мировосприятия и миропредставления. Она лежит «в основе актов миропонимания, позволяя осмыслять локальные ситуации в мире, совер-

шающиеся в нем события, помогая осуществлять построение субъективных образов объективных локальных ситуаций» (*Роль человеческого фактора в языке*, 1988: 25).

Целостный образ мира создается человеком в практике его разнообразных контактов с миром при участии всех форм сознания: дотеоретического (обыденного), теоретического (научного и философского) и внетеоретического (религиозно-мифологического и художественного).

В этнографии с обыденным мировоззрением, обыденным сознанием связывают общее сознание этноса, так называемые модели мира, включающие основные стереотипы, фиксирующие типичные для членов этноса понятия, знания, умения, нормы поведения, на основе которых в каждом этносе формируются представления людей об окружающей действительности, самих себе, отношениях с действительностью и людьми и т.д.

Авторы книги *Обыденное мировоззрение* С.С. Гусев и Б.Я. Пушканский определяют обыденное сознание как «жизненно-практическое сознание (массовое и индивидуальное), выходящее за рамки любой узкоспециализированной профессиональной области и являющееся основой повседневной познавательной деятельности и регулятором человеческого поведения и общения» (Гусев, Пушканский 1994: 8).

Еще в 1978 г. в работе *Теоретическое и эмпирическое в научном познании* В.С. Швырев пытался «реабилитировать» эту форму сознания, обвиненную в поверхностности, противоречивости и неполноценности. Он писал о том, что «обыденное сознание является такой же естественной стадией общественного сознания, как и научное мышление. Развитие последнего не отменяло, не отменяет и не будет, по-видимому, отменять или изживать обыденное сознание. Обыденное сознание в жизнедеятельности человеческого общества решает свои задачи, и эти задачи не решаются средствами научного мышления» (Швырев 1978: 27). В одной из ранних работ А.В. Брушлинского также находим, что «научное понятие оказывается слабым и несовершенным там, где житейское обнаруживает свою силу и самостоятельность» (Брушлинский 1968: 25). В философских работах 80-х гг. доказывается, что не только научное, но и обыденное сознание представляет собой определенную систему. Различие заключается в степени упорядоченности этих систем и принципах их построения: «[...] системы научных знаний построены на основе дифференциации знаний по предметным областям, они строятся по принципу «все об объекте»» (Шахзадеян 1984: 38). В основе системы обыденных знаний лежит полезность этих знаний в повседневной деятельности человека, они, по словам исследователя, «концентрируют знания «вокруг человека»» (Шахзадеян 1984: 38).

Таким образом, обыденное сознание играет немаловажную роль в жизнедеятельности человека. Будучи регулятором повседневного человеческого общения, обыденное сознание представляет собой форму осмысления накопленных, но не всегда рационально освоенных знаний, которые могут

быть итогом непосредственного жизненного опыта каждого и в целом не зависеть от научно-теоретической мысли, хотя в чем-то и могут корректироваться опытом науки (например, научными рекомендациями по гигиене, здоровому образу жизни и т.п.). С другой стороны, обыденное сознание может быть и формой осмысления обыденных жизненно-практических знаний, имеющих в своей основе не индивидуальный, а коллективный опыт, накопленный многими поколениями и усвоенный индивидом в процессе его социализации. «В обыденном сознании тысячелетиями накапливались и вечно живут несметные сокровища человеческой мысли и опыта, отражающие необозримое многообразие человеческих отношений.» (Шахзадеян 1984: 64.) Именно этот обыденный опыт делает возможными совместные согласованные действия людей. И именно в обыденном сознании находят отражение все области реальности: природа, общество, человеческая жизнь во всех ее объективных и субъективных проявлениях. Обыденное сознание включает в себя всю совокупность нравственных, религиозных, правовых, политических, эстетических, философских представлений и ценностных ориентаций человека (Гусев, Пушкинский 1994: 11).

Разделение сознания на личное – общественное и обыденное – теоретическое может выступать в роли особого параметра для определения пространства рассмотрения картины мира в рамках жизнедеятельности человека. Так, выделяются наивная и научная картины мира.

Современное понимание наивной картины мира сформулировал В.Б. Касевич в книге *Буддизм. Картина мира. Язык*: «Наивная картина мира – реальные представления о мире и человеке, свойственные членам данного культурно-исторического сообщества на определенном этапе его развития.» (Касевич 1996: 78.) Задача этой картины мира – служить своего рода базой данных, без которых не возможно принятие любых повседневных решений как текущего, так и долговременного характера. В.Б. Касевич пишет о том, что научная картина мира является результатом действия внутренней логики развития науки, которая не удовлетворяется ответом, достаточным для практических целей и психологического комфорта, а стремится к полноте и точности знания. «Наивная картина мира стремится к целостности знания, ее критерием выступает способность служить объясняющей матрицей для структурирования опыта.» (Касевич 1996: 81.)

Возникает вопрос, возможно ли с помощью лингвистического материала выявить особенности обыденного восприятия человека, вскрыть специфику наивной картины мира носителя языка.¹ Картина мира, отображенная в

¹ Простейший пример расхождения между наивными и научными представлениями дал еще Л.В. Щерба в *Опыте общей теории лексикографии*, полагавший, что специальные термины имеют разные значения в общелитературном и специальном языках. «Прямая (линия) определяется как кратчайшее расстояние между двумя точками. Но в литературном языке это, очевидно, не так. Я думаю, что прямой мы в быту называем линию, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также

сознании человека, есть вторичное существование объективного мира, закрепленного и реализованного в своеобразной материализованной форме. Этой материальной формой является язык, который и выполняет функцию объективации индивидуального человеческого сознания.

Вводя понятие картины мира в антропологическую лингвистику, исследователи выделяют два вида влияний человека на язык – феномен первичной антропологизации языка (влияние психофизиологических и другого рода особенностей человека на конститутивные свойства языка) и феномен вторичной антропологизации (влияние на язык различных картин мира человека – религиозно-мифологической, философской, научной, художественной). Кроме того, обнаруживают два процесса, связанные с картиной мира, в которых непосредственно участвует язык. Во-первых, в его недрах формируется языковая картина мира, один из наиболее глубоких слоев картины мира у человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека. Объективация картины мира включает в себя «экспликацию субъективных установок, целей и мотивов жизнедеятельности, ее регулятивных структур и смыслообразующих факторов» (*Роль человеческого фактора в языке*, 1988: 23).

Необходимо отметить, что толкование значения слова является собой внешнее (речевое) оформление знания, отраженного рефлектирующим сознанием. При этом процесс осмысления значения неотделим от процесса вербализации, спецификой рефлексии является направленность на уже готовый ментальный объект, на мыслительное образование, «схваченное» словом. «[...] толкование является наиболее эффективным средством анализа и синтеза смысловой структуры слова, его составных компонентов.» (Арбатский 1977: 37.) Следовательно, обыденное толкование значения слова отражает типовые связи, определяет тот стандарт, в котором зафиксированы

ни вверх, ни вниз).» (Щерба 1974: 287.) Разграничивая обывательские и научные понятия, Л.В. Щерба говорит, что «не надо навязывать общему языку понятия, которые ему вовсе не свойственны и которые – главное и решающее – не являются какими-либо факторами в процессе речевого общения.» (Щерба 1974: 294.)

Ю.Д. Апресян эту двойственность значения обнаруживает не только у специальных терминов, но и у общепотребительных слов. В работе *Лексическая семантика* он связывает наивную картину мира со значением слова. Складывающаяся веками наивная картина мира, в которую входит наивная геометрия, физика, психология и т.д., отражает материальный и духовный опыт народа – носителя данного языка и поэтому может быть специфичной для него в двух отношениях:

1. наивная картина некоторого участка мира может разительным образом отличаться от чисто логической, научной картины того же участка мира, которая является общей для людей, говорящих на самых различных языках;

2. наивные картины мира, извлекаемые путем анализа из значений слов разных языков, могут в деталях отличаться друг от друга, в то время как научная картина мира не зависит от языка, на котором она описывается. Например, с «русской» точки зрения, диван имеет длину и ширину, а с «английской» точки зрения – длину и глубину; в Германии ширину дома можно измерить в окнах, а в России этот способ необычен, хотя и понятен (Апресян 1974: 59).

наиболее актуальные для обыденного сознания семантические отношения и закономерности их осмысления. Таким образом, метод обыденных толкований позволяет репрезентировать наивную картину мира носителей языка. Сравнение обыденных толкований с толкованиями, представленными в *Словаре словенского литературного языка (SSKJ)*, позволит выявить особенности присутствия значения слова в обыденном сознании носителей языка.²

2 Описание эксперимента

Акты миропонимания осуществляются отдельными субъектами. Эти субъекты разительно отличаются друг от друга: они могут обладать различными природными способностями и склонностями и могут быть по-разному связаны с культурой своего времени. Обычно выделяются четыре типа субъектов картины мира, смотрящих на мир и изображающих свое видение: (1) отдельный человек (эмпирический субъект), (2) отдельная группа людей (сообщество), (3) отдельный народ (народы), (4) человечество в целом (*Роль человеческого фактора в языке*, 1988: 32).

В данном исследовании нас интересовало видение мира «отдельного народа» (общности людей, говорящих на одном языке) и «отдельных групп людей» (объединенных на основании таких их социобиологических характеристик, как пол, возраст, уровень образования и специальность).

Знания о мире – как накопленные предшествующими поколениями, так и формирующиеся в ходе непосредственного взаимодействия субъекта с окружающим его миром – усваиваются при посредстве коммуникации с другими членами социума. Следовательно, расширение и реорганизация этих знаний происходит постоянно. Безусловно, на особенности восприятия мира накладывают отпечаток индивидуальные и социальные характеристики говорящего, поэтому видится необходимым выявить влияние таких социобиологических факторов, как пол, возраст, уровень образования и специальность на формирование наивного сознания носителя языка и, соответственно, на содержание и тип обыденных толкований значения слова.

В связи с этим, респондентами, участвовавшими в эксперименте, были представители различных социальных групп. В качестве информантов использовались 80 человек: 40 мужчин и 40 женщин. Из них 40 человек с высшим и 40 человек со средним образованием. Информанты представляли четыре возрастные группы (по 20 человек): 20–29 лет, 30–39 лет, 40–49 лет, 50 лет и старше.

²Ю.Д. Апресян связывает наивную картину мира не с обыденным, а с общелитературным, общеупотребительным значением слова – именно его он противопоставляет научному (Апресян 1974: 57).

Исследование проходило в 2 этапа. На первом этапе был проведен пилотажный эксперимент, в ходе которого информантам предлагалось письменно заполнить анкеты, дав определения 60 слов. Внимание информантов обращалось на то, что в толкованиях нужно отразить свое собственное понимание значений слов: *Kaj Vam pomeni ta beseda?* Заполнявшие анкеты указывали пол, возраст, уровень образования и специальность.

На втором этапе полученные дефиниции сравнивались с толкованиями, представленными в SSKJ, где даны наиболее полные, развернутые дефиниции, включается максимальное количество значений слова и признаков описываемых предметов.

Изучение обыденных толкований проводилось на материале двух тематических групп: *Частии человеческого тела* и *Жилище*. В первую группу вошли названия частей тела, органов и атрибутов человеческого тела. Во вторую группу вошли названия частей квартиры, разновидности мебели, посуды и бытовые приборы. В анкетах слова расположены по тематическим группам (это исключает другие значения у многозначных слов), а внутри каждой группы – по алфавиту. В тематическую группу *Частии человеческого тела* были включены слова в форме того числа, в котором орган или часть тела, обозначаемые ими, присутствуют на теле человека. Такое восприятие слова позволило респонденту максимально приблизиться к наивному, обыденному значению слова.

Таким образом, тематические группы в анкетах были представлены следующими словами: (1) *brada (kocine), brki, glava, hrbet, jetra, jezik, kita, kosti, koža, kri, lasje, ledvice, možgani, noge, nohti, nos, oči, pas (del trupa), pete, pljuča, prsti, ramena, roke, srce, trebuh, trepalnice, usta, ušesa, vrat, zobje*; (2) *balkon, blazina, hladilnik, hodnik, kavč, krožnik, kuhinja, lonec, metlica, miza, naslanjač, nož, odeja, ogledalo, okenske zavese, okno, omara, pod, postelja, preproga, prt, sesalnik, stol, strop, televizor, vaza, vrata, žarnica, žimnica, žlica*.

На этапе сопоставления двух видов толкований из словаря выписывались только прямые, не специальные значения слов – определения на основе общего их употребления.

3 Результаты сравнения обыденных толкований со словарными дефинициями

В современном языкознании выделяются три типа толкований значения слова: энциклопедическое определение, раскрывающее всю совокупность существенных признаков предмета (оно зафиксировано в энциклопедиях), научное толкование,³ содержащее существенные, сущностные признаки

³ Научные дефиниции используются при толковании слов-терминов, отражающих однозначные и законченные понятия, представляющие собой симметричные языковые знаки (Paterni 1989: 20, Peđiček 1989: 103, Vidović Muha 2000: 192). Именно при толковании терминологической лексики

предмета, обнаруженные научным знанием на определенном этапе своего развития (зафиксировано в специальных словарях), «филологическое» толкование, отражающее общелитературное, общеупотребительное значение слова, содержащее минимальный набор признаков, необходимый для дифференциации предметов (зафиксировано в толковых словарях).

Вводимое нами обыденное толкование значения слова отражает совокупность признаков предмета, представленных в обыденном сознании носителей языка.

По словам Г.В. Колшанского, «любое адекватное описание какого-либо объекта не есть субъективное примысливание, а лишь отображение тех качеств и свойств объекта, которые в нем объективно заложены и которые обнаруживаются различными субъектами по различным мотивам в познавательной и информационной деятельности» (Колшанский 1990: 62). Обыденное толкование выступает в роли того «мотива», о котором говорит Г.В. Колшанский, позволяет открыть еще одну грань в значении слова.

Анализ обыденных толкований, полученных в ходе эксперимента, и сравнение обыденных и «филологических» (зафиксированных в словаре) толкований позволили сделать следующие наблюдения.

Во-первых, обыденное толкование значения слова последовательно актуализирует функциональный признак предмета. Установка респондента на обыденное толкование, обыденное восприятие приводит к тому, что включаются механизмы обыденного сознания человека, происходит смена «точки зрения». В обыденной, бытовой системе координат все вещи, предметы, органы, части тела и пр. выполняют четко определенную функцию. Именно наличие функционального признака у предмета обеспечивает ему присутствие в этой строго упорядоченной системе.

В словарных статьях обычно даются качественные характеристики, определяется место расположения предмета, органа. Это связано с тем, что словарное определение раскрывает лексическое значение слова. По определению С.Д. Кацнельсона, «лексическое значение – минимум знаний, достаточный для узнавания отображенного объекта и употребления его словесного обозначения» (Кацнельсон 1972: 131). Следовательно, составитель словаря тщательно отбирает признаки предмета, которые бы позволили отличить этот предмет от другого, разделить бесконечное множество предметов на основании их сущностных признаков – это уже другая «точка зрения».

Сравним: *rama – stranski zgornji del trupa nad prsnim košem, kjer se začne roka* (в словаре), *ramena – del telesa, ki pritrjuje roke na trup* (по данным анкет); *trepalnice – celota dlak na robu veke* (в словаре), *trepalnice – izrastki na očeh, ki varujejo naše oči; varovalo za oči* (по данным анкет); *miza – kos pohištva iz ravne*

крайне негативными могут быть последствия нечеткого разграничения обыденных и научных понятий (Musek 1989: 117).

plošče in navadno štirih nog (в словаре), *miza – del pohištva, na katerem lahko pišemo in jemo* (по данным анкет); *balkon – ograjen pomol iz hišnega zidu, z vrati povezan z notranjimi prostori* (в словаре), *balkon – zunanji del hiše za počitek* (по данным анкет).

Носитель языка является центром той «бытовой» системы координат, в которой он находится, давая обыденные толкования значений слов. В словаре слово *зеркало* определяется как *predmet, navadno iz steklene podlage, na katero je nanesena gladka, svetlobo odbijajoča kovinska plast*. В обыденном сознании слово *зеркало* воспринимается как *steklena površina, v kateri se lahko gledamo*. Таким образом, в обыденном сознании зеркало выполняет свою функцию только в том случае, если перед ним находится человек. Предмет, отражающий пустое пространство, «не нужен» человеку, поэтому зеркала как предмета с отражающей способностью нет в «бытовой» системе координат носителя языка.

Во-вторых, сравнение двух видов толкований показало, что в обыденном сознании носителя языка может актуализироваться только одно из значений слова или часть значения. Несколько примеров. *Prst – vsak od petih gibljivih podaljškov dlani ali stopala* (в словаре). Для обыденного сознания пальцы – конечности рук (*izrastki na rokah; del telesa za prijemanje predmeta*) и всего для 28 % опрошенных еще и ног. *Uho – čutilo za sluh in ravnotežje* (в словаре). А по данным анкет, уши – только орган слуха (*organ za sluh; del glave, s katerim slišimo*). *Blazina – s perjem, žimo, volno napolnjena podlaga za ležanje ali sedenje* (в словаре). Для обыденного сознания актуальным является лишь та часть значения слова, которая связана с функциональным признаком этого предмета (*podlaga za ležanje; nepogrešljivi pribor za spanje; pripomoček za ležati* и т.д.). *Žlica – priprava iz daljšega ročaja in ovalnega vločenega dela za dajanje v usta, zajemanje zlasti tekočih jedi*. Для опрошенных не является актуальным «устройство» данного предмета. Во всех толкованиях мы встречаем следующую дефиницию: *pribor, s katerim jemo*.

В-третьих, анализ обыденных толкований позволил выявить новые значения слов. Например, *hodnik – ozek, dolg prostor v stavbi, od koder vodijo vrata v bivalne in druge prostore* (в словаре). Респонденты уточнили значение того слова следующим образом: *del stavbe, kateri povezuje med sabo prostore ali del hiše, ki povezuje sobe ali del stanovanja, ki povezuje bivalne prostore med sabo*. Еще один пример: *okno – odprtina v steni stavbe, prevoznega sredstva, narejena zaradi svetlobe, zračenja* (в словаре). В обыденных толкованиях добавляется еще один существенный признак: *odprtina v hiši, skozi katero gledamo ven*.

В-четвертых, анализ данных анкет показал, что большие затруднения вызывают толкования слов, обозначающих внутренние органы. Данные определения неточны и вариативны. Так, в толковании слова *почки* опрошенные выделили следующие функции, которые выполняет данный орган по их мнению: *organ telesa za prečiščevanje tekočine; organ telesa, v katerem nastaja*

seč; del telesa, ki skrbi, da se prečiščuje kri v telesu ter izločajo strupi; parni notranji organ, ki skrbi za presnovo; iz krvi odstranjuje sečne snovi. А в толковании слова *печень* на основании анализа анкет можно выделить следующие функции: *organ telesa, skozi katerega kroži kri; služi za čiščenje telesa; notranji organ, ki proizvaja rdečo tekočino; organ za prečiščevanje krvi.* Такая вариативность объясняется тем, что за деятельностью внутренних органов человек непосредственно не наблюдает.

Таким образом, анализ обыденных толкований значения слова позволил выявить главные лингвистические параметры, определяющие тип обыденных толкований: «выделение функционального признака в значении слова» и «толкование одного/части значения слова».

4 Наивная картина мира и социальный фактор

Говоря о влиянии социального фактора на особенности обыденного восприятия, следует уточнить, что под социальным фактором в данном случае следует понимать не социальный статус информанта, а такие его социобиологические характеристики, как пол, возраст, уровень образования и специальность.⁴

Для изучения зависимости типа обыденного толкования от социобиологических характеристик информанта мы обработали анкеты следующим образом: подсчитали в процентном выражении долю каждого типа обыденного толкования в анкетах, разделенных по изучаемым нами стратам.

Полученные результаты можно представить в сводной таблице.

Зависимость типа толкования слова от социальных страт

Страты	Тип толкования	
	Выделение функционального признака	Толкование одного/части значения
Возраст		
20–29 лет	80 %	79 %
30–39 лет	82 %	71 %
40–49 лет	84 %	61 %
50– лет	78 %	76 %
Уровень образования		
Среднее	75 %	83 %
Высшее	87 %	61 %
Специальность		
Гуманитарная	70 %	71 %
Техническая	73 %	69 %

⁴ Об этом же см.: Kržišnik 1998: 5.

Пол		
Мужской	71 %	66 %
Женский	90 %	78 %

Рассматривая частную модель зависимости типа толкования от возраста информанта, мы обнаруживаем обратную зависимость в соотношении двух видов толкований: увеличение доли толкований с выделением функционального признака и уменьшение доли толкований с определением одного/части значения слова от возрастной группы 20–29 лет к возрастной группе 40–49 лет. Доля обоих видов толкований в возрастной группе от 50 лет и старше не включается в эту тенденцию.

Исследуя частную модель зависимости типа толкования от уровня образования, мы можем наметить тенденцию увеличения доли толкований с выделением функционального признака и уменьшение доли толкований с определением одного/части значения слова в анкетах информантов, имеющих высшее образование.

Исследуя частную модель зависимости типа толкования от специальности, мы можем наметить также тенденцию увеличения доли толкований с выделением функционального признака и уменьшение доли толкований с определением одного/части значения слова в анкетах информантов, имеющих высшее образование.

В зависимости типа толкования от пола информанта выявляется тенденция увеличения доли обоих видов толкований в анкетах лиц женского пола. При этом типу толкований с выделением функционального признака отдают предпочтение лица обоего пола (но в обыденных толкованиях лиц женского пола разница между долями обоих типов толкований более существенна).

Итак, в анкетах лиц женского пола с высшим техническим образованием в возрасте 40–49 лет наблюдается превалирование первого типа толкования над вторым. Этот факт можно объяснить тем, что человека с данными характеристиками отличает максимальная активность и самостоятельность в отношениях с миром. Мир воспринимается сугубо в его полезности, его составляющие – в функциональной значимости. Данное наблюдение может служить доказательством реализации антропоцентрического подхода к изучаемому явлению.

Фактор пола также обусловил выбор разных значений слова. В словаре значение слова *руки* определяется как верхние конечности и как орудие деятельности (*okončina človeka, ki se uporablja za prijemanje, delo*). 90 % мужчин воспринимают руки как верхние конечности, а 80 % женщин воспринимают их как орудие деятельности. Также были обнаружены различия в обыденном восприятии слова *язык*. Для 60 % мужчин язык – орган пищеварения, для 80% женщин – орган речи. Как видим, значения слов актуализируются в сознании мужчин и женщин по-разному. Следовательно,

пол – серьезный социальный фактор, влияющий на содержание обыденных толкований.

Вполне естественно, казалось бы, предположить (в рамках данного эксперимента), что не менее ярко проявится в содержании обыденных толкований такой социальный фактор, как «возраст» респондентов. Но влияние этого фактора обнаружено не было.

Анализ данных анкет показал, что факторы «уровень образования» и «специальность» не влияют на содержание обыденных толкований. Это можно объяснить тем, что наивные представления основаны на донаучных понятиях, а бытовое восприятие значений слов данных тематических групп определяется общей базой знаний, сформированной в процессе социализации индивида в определенном типе общества.

Таким образом, нам удалось установить влияние социобиологических характеристик индивида на особенности его обыденного сознания, т.к. удалось выявить специфику присутствия значения слова в сознании носителей языка как представителей определенных социальных групп.

5 Отражение фактора национально-культурной принадлежности на специфике наивной картины мира

Метод обыденных толкований позволил репрезентировать два небольших фрагмента наивной картины мира носителей словенского языка. Представляется возможным также выявить национальную специфику обыденного восприятия данных кусков действительности путем сравнения обыденных толкований, данных носителями разных языков. «Национальная картина мира обнаруживается в единообразии поведения народа в стереотипных ситуациях, в общих представлениях народа о действительности, в высказываниях и «общих мнениях», в суждениях о действительности [...]» (Попова, Стернин 2003: 5.) Для этой цели 80 русским информантам было предложено выполнить ту же задачу – дать определения 60 слов, отразив свое собственное понимание значения слова. В результате сопоставительного анализа были сделаны следующие наблюдения.

Анализ данных анкет показал, что для словенца балкон является местом для отдыха (*prostor za sproščanje; del hiše, običajno za sedenje, počitek z rožami* и т.д.). А в обыденном сознании русского человека балкон связан с практической, хозяйственной деятельностью (*на балконе мы можем хранить какие-нибудь заготовки и даже сушить белье после стирки; место, где можно хранить вещи, которыми долго не пользуешься; для сушки белья и любования закатом*).

Респонденты первой группы в своих анкетах обозначили довольно широкий спектр применения веника: от уборки мусора до взбивания продуктов (*z njo potetamo; pripomoček za stepanje; WC-metlica* и т.д.). По

мнению большинства опрошенных второй группы, веник – только средство для уборки мусора, но в 10 % анкет русских респондентов встретилось следующее определение: *связка веток для парения в бане*.

Словенцы определили дверь как часть комнаты (здания) для входа/выхода, не назвав ее защитной функции, а в 30 % анкет русских информантов мы встречаем эту дефиницию (*то, чем можно запереть квартиру; сторож квартиры; спасает от грабителей и посторонних взглядов* и т.д.)

Диван в сознании всех респондентов – мягкая мебель для отдыха.

Зеркало определяется всеми как предмет, предназначенный для рассматривания своего отражения (предмет, в котором можно увидеть свое отражение; чтобы смотреться; *pripomoček za ogledanje samega sebe; celoten izgled* и т.д.).

Кастрюля – посуда для приготовления пищи – такую дефиницию мы находим в анкетах обеих групп, причем в 15 % анкет и той, и другой группы кастрюля связывается с приготовлением супа.

В обыденном сознании словенца ковер служит для украшения и предназначен для пола. В обыденном сознании русского человека ковер может служить как для украшения, так и для утепления помещения, может располагаться как на полу, так и на стенах.

В анкетах русские респонденты выделили два значения слова *коридор*: (1) узкий проход, соединяющий несколько помещений, (2) место, где снимают верхнюю одежду. Для жителей Словении второе значение не является актуальным, зато появляется следующая дефиниция – *tam, kjer visijo slike*.

Кресло в обыденном сознании всех респондентов связано с удобством и отдыхом (*mehak, udoben stol z naslonjalom; namenjen za počitek; udoben del sobe; мебель для отдыха; удобное место для отдыха* и т.д.).

Кровать определяется словенскими респондентами как место для сна, а русскими – как место для отдыха.

В сознании словенца кухня предназначена для приготовления пищи (*prostor za kuhanje; soba, v kateri kuhamo; prostor, v katerem se pripravlja hrana* и т.д.). В обыденном сознании русского человека слово *кухня* представлено в двух значениях: (1) место для приготовления пищи (90 %), (2) место для приема пищи (50 %).

Во всех анкетах слово *лампочка* определяется как осветительный прибор, слово *ложка* – как столовый прибор для принятия пищи, матрац является неотъемлемой частью кровати, обеспечивая ее функционирование (*mehka podlaga za spanje; mehka stvar za posteljo; служит для смягчения кровати; мягкое изделие для спокойного сна* и т.д.), нож толкуется как предмет для резки.

В анкетах словенских информантов в толковании слова *одеяло* выделяется актуальный признак – *служит для согревания во время сна*. По этому же

назначению используют одеяло и русские, но в их анкетах нет упоминания еще одной функции одеяла – декоративной. 10 % словенцев назвали ее.

Для всех респондентов окно служит для проникновения света и созерцания окружающего мира, а пол является поверхностью, по которой ходят.

Подушка толкуется всеми как подкладка под голову, но в 12 % толкований этого слова в словенских анкетах указывается на ее декоративную функцию (*dekoracija na postelji*).

Потолок – это для всех верхняя часть помещения, но в русских анкетах, в отличие от словенских, появляется следующее указание: *потолок – это то, что белят*.

В обыденных толкованиях и словенцев, и русских пылесос определяется как прибор для сбора пыли (чистки пола), скатерть – как полотно, которым покрывают стол. Примечательно, что в 20 % толкований обеих групп скатерть выполняет функцию украшения стола (*miza v praznični dan; okras za mizo; praznična část stola; средство для украшения стола* и т.д.).

Стол для 70 % опрошенных является местом для приема пищи и для 30 % – местом для работы (в анкетах обеих групп).

Стол – предмет мебели, на котором сидят; тарелка – посуда для приема пищи (для всех опрошенных).

По данным русских анкет телевизор – источник информации и способ развлечения. Нужно отметить, что, толкуя значение этого слова, респонденты активно выражали свое отношение к этому прибору: *предмет для бездельников и полуночников; яблоко раздора для семьи; аппаратура, позволяющая человеку видеть мир и отнимающая много свободного времени; средство для одурачивания граждан; ящик, который чаще всего показывает непристойные или глупые вещи, реже - информацию о событиях в мире, и совсем редко – о Боге* и т.д. 50 % опрошенных словенцев воспринимают телевизор в качестве радиотехнического устройства (*električna naprava; aparatura, ki služi za prenos slike in zvoka* и т.д.), 40 % используют его в качестве источника информации, а отдыхают у телевизора всего 16 % словенцев. Такое различие в восприятии этого предмета можно объяснить тем, что жители Словении, в отличие от жителей России, отдают предпочтение активным видам отдыха – спорту, туризму.

Для обыденного сознания словенских респондентов холодильник является местом для охлаждения продуктов, напитков, а для обыденного сознания русских респондентов – местом для хранения продуктов. На это различие, на наш взгляд, оказывают влияние как климатические особенности проживания обеих групп, так и особенности питания тех и других. Большинство россиян хранит в холодильниках домашние заготовки со своих огородов, а жители Словении в основном не делают подобных запасов продуктов на год.

Таким образом, сопоставительный анализ обыденных толкований словенских и русских информантов показал, что в семантике слова обнаруживается ряд сведений, которые могут быть как межъязыковыми, так и национально-культурными.

Небольшое количество респондентов не позволило нам сделать окончательных выводов, но проведенный анализ свидетельствует о том, что на формирование наивной картины мира оказывает влияние также и социокультурная среда. Именно поэтому, на наш взгляд, не было обнаружено расхождений в обыденных толкованиях лексических единиц тематической группы *Части человеческого тела*.

В. фон Гумбольдт писал: «Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия.» (Гумбольдт 1985: 349.) Исследователь подчеркивал невозможность познания характера своей нации, ее духа и образа мыслей при изолированном рассмотрении, без изучения других наций, находящихся с ней в контакте, ведь только при выявлении отличий мы можем говорить о специфических особенностях. «Только общественным путем человечество может достигнуть высочайших вершин, и объединение многих необходимо не только для того, чтобы посредством умножения сил осуществлять более значительные и долговечные начинания, но в первую очередь для того, чтобы посредством объединения многообразных способностей проявить собственную природу в ее подлинном богатстве и во всей широте.» (Гумбольдт 1985: 320.)

P.S.: Zahvaljujemo se red. prof. dr. Adi Vidovič Muha in doc. dr. Vojku Gorjancu za pomoč pri zbiranju gradiva.

Литература

- Ю.Д. АПРЕСЯН, 1974: *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. Москва: Наука.
- Д.И. АРБАТСКИЙ, 1977: *Толкования значений слов. Семантические определения*. Ижевск: Удмуртия.
- А.В. БРУШЛИНСКИЙ, 1968: *Культурно-историческая теория мышления*. Москва: Высшая школа.
- Вильгельм фон ГУМБОЛЬДТ, 1985: *Язык и философия культуры*. Москва: Прогресс.
- С.С. ГУСЕВ, Б. Я. ПУШКАНСКИЙ, 1994: *Обыденное мировоззрение: Структура и способ организации*. Санкт-Петербург: Наука.
- В.Б. КАСЕВИЧ, 1996: *Буддизм. Картина мира. Язык*. Санкт-Петербург.
- С.Д. КАЦНЕЛЬСОН, 1972: *Типология языка и речевое мышление*. Ленинград: Наука.

- Г.В. КОЛШАНСКИЙ, 1990: *Объективная картина мира в познании и языке*. Москва: Наука.
- З.Д. ПОПОВА, И. А. СТЕРНИН, 2003: *Язык и национальная картина мира*. Воронеж: Истоки.
- Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира*, 1988. Отв. ред. Б.А. Серебренников. Москва: Наука.
- М.А. ШАХЗАДЕЯН, 1984: *Обыденное сознание: философско-методологические проблемы исследования практического сознания масс*. Ереван.
- В.С. ШВЫРЕВ, 1978: *Теоретическое и эмпирическое в научном познании*. Москва: Наука.
- Л.В. ЩЕРБА, 1974: *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград: Наука.
- Erika KRŽIŠNIK, 1998: Socialna zvrstnost in frazeologija. 34. seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Zbornik predavanj. Ur. E. Kržišnik. Ljubljana: 53–71.
- Janek MUSEK, 1989: Terminološka prekrivanja. Slovenski jezik v znanosti 2. Zbornik prispevkov. Ljubljana: Filozofska fakulteta. 115–119.
- Boris PATERNU, 1989: Jezik znanosti in jezik poezije. Slovenski jezik v znanosti 2. Zbornik prispevkov. Ljubljana: Filozofska fakulteta. 17–23.
- Franc PEDIČEK, 1989: Tri temeljne podmene za teorijo terminologije v znanosti. Slovenski jezik v znanosti 2. Zbornik prispevkov. Ljubljana: Filozofska fakulteta. 99–103.
- Slovar slovenskega knjižnega jezika*, 1993–1999. Ljubljana: DZS.
- Ada VIDOVIČ MUHA, 2000: *Slovensko leksikalno pomenoslovje. Govorica slovarja*. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete.

